

ПРАКТИКИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РЕАЛИЗМА

Аннотация

В современной международной политической и социокультурной ситуации российское академическое сообщество должно выступить субъектом и институтом онтологической ответственности, развивая дискурс гуманитарного суверенитета России и цивилизационного реализма. Большую роль в конституировании и институализации образа России в XXI в. играет дискурс социально-гуманитарных наук, особенно политической философии и политологии. Значение политологических знаний для позиционирования образа России будет только возрастать во всех сферах прямого и/или опосредованного влияния политологии на институты, структуры и субъекты российской гражданской политической нации. Особенную роль политологические исследования имеют для таких социальных институтов как образование, право и наука. На взгляд авторов, одним из прикладных и публичных аспектов влияния политологических знаний на общественное сознание и поведение может стать проект развития общегражданской философии и дискурса, способного выступить своего рода формой коммуникации и средством для социализации, образования и воспитания российского гражданского сообщества.

Русский/российский дискурс политологического познания, на наш взгляд, в краткосрочной перспективе должен сосредоточиться на таких проблемах как: а) противодействие «культуре отмены»; б) диагностика и деконструкция политических эффектов новых мировоззренческих вызовов нач. XXI в. (постантропология, трансгуманизм, глобальный универсализм, нечеловеческий экологизм); в) выработка сценариев устойчивого развития России в условиях стратегической нестабильности.

Ключевые слова: образ России, цивилизационный реализм, гуманитарный суверенитет, государство-цивилизация, общегражданская философия, институт онтологической ответственности.

Авторы

Агапов Олег Дмитриевич

Доктор философских наук,
Казанский инновационный университет
имени В.Г. Тимирязова
(Казань, Россия)

Волобуев Сергей Григорьевич

Старший научный сотрудник
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева
(Москва, Россия)

Одной из стратегических инициатив, стоящих перед российским академическим сообществом в современных геополитических ре-

алиях, выступает задача разработки теоретико-методологических вопросов, позволяющих сформировать концепцию *цивилизационного реализма*,

конституировать тенденции развития России в долгосрочной цивилизационной — на столетия вперед — перспективе. Восприятие России государством — цивилизацией — это больше чем очередной за XX–XXI вв. методологический поворот (онтологический, лингвистический, антропологический и т.д.) в социально-гуманитарных науках, а *онтолого-экзистенциальное событие*, задающее новый импульс развития *российской гражданской политической нации / российской политики*, институализирующее вектор гуманитарного суверенитета России, требующее всемерной интеллектуальной мобилизации академического сообщества.

Переход на логику развития *государства — цивилизации* — это выход на *тринитарную логику восприятия мира и себя*, логику известной самодостаточности, уход от бинарности и блоковости как удела государств — наций. В. Наумкин отмечает, что на роль «государств — цивилизаций» могут претендовать далеко не все современные государства. У него не вызывает сомнений, что в лигу государств — цивилизаций могут попасть Китай, Индия, Иран, Россия [1]. По А. Грякалову, мышление и деятельность с позиций третьего задает «*способность единственности и дружности*» [2, с. 455], которая может переживаться как чудо, но в политическом и социокультурном плане должна быть освоена как топос (место) для диалога и интерсубъективности.

Позиция третьего — «поощряет к производству» субъектности, «давая тем самым возможность осуществиться диалогической длительности — именно сохранение понимания делает возможным устойчивость субъективности. Позиция третьего тем самым постоянно отсылает к истокам и представляет исток», что придает субъекту истории онтологическую укорененность и самодостаточность. Более того, третий — это метапозиция, своего рода «*место мест*» или центр, который «нигде не

находится, но всему дает возможность существования» [2, с. 459].

Историческими аналогиями подобных *третьих мест*, по А. Грякалову с опорой на методологию М. Бахтина, выступает Церковь «как общение неслиянных душ, где сойдутся и грешники, и праведники; или, может быть, образ дантовского мира, где многопланность переносится в вечность, где есть нераскаянные и раскаявшиеся, осужденные и спасенные» [2, с. 460]. Позиция третьего — это «событие встречи в определенном месте», где есть «единство конкретно-всеобщего религиозного переживания мира, культурного космоса и неповторимого поступка» [2, с. 462].

Современные философы, представляющие парадигму топологической рефлексии (С. Азаренко, В. Савчук, Р. Вахитов и др.), показывают, что *место/топос* развития выступает онтологическим полем *рождения субъектности* (и производной от нее субъективности), игнорируя который мы не можем воплотиться, иметь шанс быть самими собой. Топологический подход позволяет современной политической философии выйти на уровень *герменевтики утверждений и свидетельств*. Например, А. Грякалов, анализируя пути формирования современной субъектности и идентичности, настаивает, что есть не просто «*государства — цивилизации*», а «*государства — материки*», которые производятся «месторазвитием» как минимум в трех сферах: символической, предметной, органической. В частности, «Евразия выступает как особое смысловое и социальное образование — это объединения равноправных народов, связанных одним географическим ареалом, общей исторической судьбой и культурными переключками» [2, с. 468]. Он усматривает в новой евразийской идентичности множество измерений (гражданское, религиозное, профессиональное, гендерное, возрастное, этнокультурное),

которые можно ситуативно-инструментально актуализировать [2, с. 473].

В целом, А. Грякалов считает, что будущее за *транснациональными идеями*, способными выступить позитивными стратегиями для сборки социумов в XXI в. Негативной альтернативой он называет постмодернистский терроризм [2, с. 465]. «Евразийский смысл — самоуглубляющаяся структура соотношений», где «целостность является результатом взаимодействий, глубинно фундированных жизненным топосом», ибо «структура сложилась и продолжает складываться» [2, с. 467].

Следует осознать, что *цивилизационная идентичность* России — это геополитическая, экономическая и социокультурная реальность и онтофеноменологическая данность, которую мы должны осмыслять и вырабатывать стратегии развития как коллективного субъекта исторического творчества, где место для становления есть всем. В деле формирования цивилизационного сознания и самосознания России *не может быть посторонних*, ибо Россия — это не просто место проживания, а онтологическая сфера конституирования нашей личностной и коллективной идентичности. Образ Родины, как показывал А. Лосев, «есть опора против бессмыслицы жизни, есть твердыня, превышая судьбы и есть внутренняя и несокрушимая цитадель презрения к смерти, есть любовь и жертва», есть «действительно несокрушимое самоутверждение, самопорождение» [3].

Форм гражданского служения и личностного онтологического предстояния России великое множество. В свое время В. Расторгуев среди основных измерений цивилизационной идентичности России выделил «философско-методологическое и богословское, конфессиональное и этнокультурное, историческое и культурологическое, социологическое и лингвистическое (в том числе лингвострановедческое), художественное и эстетическое, тер-

риториально-средовое и ресурсное, экологическое, социально-экономическое и технологическое, а также геополитическое и военно-политическое» [4, с. 40]. Прямыми институционально сложившимися субъектами онтологической ответственности за смыслы выступает интеллигенция или «*homo academicus*», включающая в себя, согласно приведенной выше матрицы цивилизационного деления В. Расторгуева, богословов, философов, ученых, представителей искусства, военных и инженеров.

Социальный философ В. Левицкий, изучая процесс генезиса и динамики обществ модерна XIX–XX вв., ввел понятие «*институты онтологической ответственности*», чтобы с его помощью выявить в социальной структуре институции, обладающие легитимностью и «наделенные полнотой символической (политической, экономической) власти для поддержания канонического образа реальности». В частности, в средневековье подобную роль выполняла Церковь, в XVII–XX вв. академии и университеты, «на современном этапе данная роль постепенно переходит к think tank (аналитическим центрам)» [5, с. 39].

Следовательно, основная задача философов и ученых в процессах производства образов России — выступать *субъектами онтологической ответственности*, давать описание и анализ бытия России, выявлять и деконструировать девиантные линии, способствовать устойчивому развитию российской политической нации как субъекта собственного суверенного развития истории и международных отношений.

Кардинальный признак гуманитарного суверенитета — это умение мыслить собственным умом и действовать от первого лица. Выработка рационального образа России — это диалектический и перманентный процесс, связанный с его постоянным обо-

гащением и наращиванием смыслов (хотя возможны герменевтические «разрывы»), выявлением новых синхронических и диахронических процессов. В XVIII–XX вв. российские ученые неоднократно выступали выразителями национально-государственных интересов России, формировали ее кратко-, средне- и долгосрочный проектный горизонт. Конституируя и институализируя социальные образы — идеальные типы России, «*homo academicus*» выстраивают целый спектр образов: (1) «образ — проблема»; (2) «образ — идеал»; (3) «образ — ценность»; (4) «образ — цель»; (5) «образ — руководящая идея (императив)» [6].

Е. Сильнова, изучая феномен *социального образа* России, показывает, что он выступает *«интерпретацией и освоением мира с позиции определенной ментальности, создаваемой коллективными или индивидуальными субъектами социальных взаимодействий и посредством воздействия на сознание общества социокультурных объектов социальной реальности»* [7, с. 15], обладает качествами интер- и полисубъективности. Ведущую роль в конституировании образа России, по ее мнению, играет политическая и социальная философия, задающая мета-теоретический уровень рефлексии процессов современности. Принимая это утверждение, мы полагаем, что сегодня это предмет меж- и трансдисциплинарного сотворчества академического сообщества России, создающего *интегрированный образ* России, где каждая из социальных дисциплин формирует свой концепт и дискурс. Образ России для российских «*homo academicus*» обладает качествами: (1) интенциональности; (2) интерактивности; (3) интерсубъективности / интерсубъективности; (4) интерпретативности / вариативности. Создавая новый интегративный рациональный образ России, ученые как субъекты модерна тем самым прямо или опосредованно реализуют сле-

дующие стратегии: (1) вырабатывают максимально объективное и верифицируемое представление о месте и роли России в *координатах обществ* модерна (рейтингование и ранжирование как стратегия социальной ориентации); (2) предлагают инициативы, проекты и программы для конституирования *нового качества и уровня развития* всех сфер экономики, политики и культуры. На наш взгляд, основная миссия российских ученых — выявить условия, возможности и практики для долгосрочного цивилизационного вектора развития России на XXI–XXII вв., дать «образ — перспективу».

Среди существующих образов современной России, которые *произвели политологический дискурс* на рубеже XX–XXI вв., а это — «Остров Россия» (В. Цымбурский, Б. Межуев), «Евразия» (А. Дугин, Г. Джемаль, В. Малявин), «Другая Европа» (В. Федотова, А. Глинчикова), «(Нео)Византия» (А. Панарин), «Скандовизантия», «Восточная Европа» (А. Бовдунов), «Региональная держава», «Мировая держава» и др. — есть ключевые методологические оппозиции «сущее — должное», «реальное — желаемое — другое», «сакральное — профанное». Каждый из образов — не только академический концепт, но и предмет определенной *субъектно-объектной геостратегии* конкретных субъектов российской политики (дипломатов, военных, полицейских, бизнес-сообществ и т.д.) [8, с. 300].

В практическом плане представители российского политологического академического сообщества активно используют современные методы социального конструирования (фреймирование, генерализация, типизация, хабиитулизация). В частности, Двора Яноу и Мерлин ван Хульст выделяют четыре практики фреймирования: практики производства значений, методологические процедуры отбора, категоризации и именования, импликацию через повествование, конструирование

смыслов социальных процессов, проблем и идентичностей [9, с. 93].

Сегодня статус политологии в процессах производства социальной реальности конституируется различными путями: (1) *нормативно-правовым* (политологи, авторы, эксперты, консультанты законодотворческих инициатив); (2) *научно-просветительским* (журналы «Полития», «Полис. Политические исследования», «Русская политология — Russian Political Science», «Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований», «Социологическое обозрение», «Логос», «Общественные науки и современность» и др.); (3) *академическим* (политологическое образование в университетах, просветительские программы на телевидении и в социальных сетях). Вторая стратегия фреймирования — *отбор, именование и категоризация* — осуществляется повсеместно, что проявляется в постоянном мониторинге деятельности политических партий и НКО, в деятельности по типологизации и классификации различных проявлений политической активности граждан Российской Федерации. Относительно третьей и четвертой практик — *импликация научных знаний через повествование и конструирование смыслов*, то они реализуются в том, что политологи стали частью «фабрик мышления» и сообществ медиареальности. Профессорское сообщество университетов Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Новосибирска, Томска, Владивостока и др. не отказывается от полемики и дискуссий ни на телевидении, ни в социальных сетях. Таким образом, политологи как часть российского академического сообщества социально-гуманитарных наук активно формируют образ российского общества и государства со стороны своей предметной области. Влияние политологических исследований в современности имеет множественные формы, а именно: 1) область производства академических фундаментально-теоретических и эмпирических

социальных знаний; 2) широкая сфера политехнологических практик и прикладных политических исследований в интересах всех субъектов российского гражданского общества (государственных структур, НКО, профсоюзов и т.д.); 3) политологический дискурс и воображение как часть общественного сознания.

Авторы осознают, что статья носит характер *гуманитарной навигации* (по О. Генисаретскому), направленный на более активное участие российского сообщества политологов в формировании качественно нового цивилизационного образа России в XXI в. Например, мы видим, что российское политологическое сообщество может внести большой вклад в обоснование теории российского *гуманитарного суверенитета* и практик *общегражданской философии* и/или идентичности.

Актуальность в конституировании российской общегражданской философии как *совокупности идей и принципов, являющихся ответами на фундаментальные вопросы человеческого и общественного бытия, разделяемых основными субъектами общественной и политической жизни страны* назрела давно и сегодня эта задача отчасти стала решаться в рамках внедрения с 1 сентября 2023 г. в вузах Российской Федерации курса «Основы российской государственности». Вместе с тем, задачи российского формирования гражданского сознания и самосознания требуют более широкого социального участия, вовлечения в этот процесс представителей институтов гражданского общества. Главный вопрос — в содержании, качестве и развитости данной сферы, адекватности нашей общегражданской философии интеллектуальным вызовам эпохи.

На наш взгляд, необходимость в выстраивании дискурса российской общегражданской философии связана с тем, что ни государство, ни гражданское общество не могут игнорировать фундаментальные вопросы человеческого

и общественного бытия, оставаясь при этом суверенными. Эти вопросы: о человеке, его сущности и предназначении; об устройстве общества, законах его развития и о социальном идеале; о власти, ее основаниях и миссии; о месте данного сообщества в истории и в современном мире, — образуют своего рода каркас общегражданской философии. Поэтому, если философия по своей природе является интеллектуальным выражением достоинства и свободы человека, то *общегражданская философия* — это интеллектуальное выражение достоинства и свободы нации, интеллектуальная основа суверенитета политического сообщества, правовой фундамент которой заложен в Конституции Российской Федерации.

О методе общегражданской философии. Общегражданская философия несколько не умаляет конституционно гарантированный плюрализм мнений и позиций, однако создает основу для раскрытия потенциала, диалога и взаимопонимания представителей разных мировоззрений, существующих в нашем обществе. Кроме того, она представляет собой не только альтернативу какой-либо «государственной идеологии», но и западным проектам построения публичного пространства, основанным на изъятии из него философско-мировоззренческой, ценностной проблематики. Напротив, в поле общегражданской философии возможно присутствие различных моделей бытия и ценностных систем, признающих реальность, ценность и достоинство личности, ценность и важность общества и государства.

Общегражданская философия представляет собой дискурс, нацеленный на процесс осмысления действительности на основе рамочных персоналистических представлений и ценностей о человеке, обществе и государстве, а не совокупность догм и окончательных решений. Данная методология включает в себя:

- рассмотрение проблемы не только в плоскости потребностей и интересов, но и в плоскости ценностей; проблема рассматривается не только в качестве препятствия реализации интересов, но и как препятствие реализации базовых ценностей культуры, преграда на пути совершенствования личностей и общностей, вовлеченных в проблемную ситуацию;
- выявление причин существующей проблемы — как материальных, так и ценностного порядка;
- моделирование и выбор оптимальной — с точки зрения ценностей культуры и при этом практически достижимой — ситуации, в которой рассматриваемая проблема может быть устранена (или смягчена) и к достижению которой следует стремиться;
- выбор технологии решения проблемы с учетом возможных побочных последствий ее реализации, оцениваемых также в соответствии с ценностями культуры;
- оценка результата в соответствии с критериями, формулируемыми в ценностном контексте культуры.

Ценности общегражданской философии фундированы принципами Конституции Российской Федерации, поддержанными нашим обществом на референдуме 2020 года. Ведущая стратегия здесь заключается в поиске философского консенсуса на базе когерентных онтологических систем. Следует помнить, что конституционные презумпции не запрещают заниматься альтернативными философскими системами в рамках академических исследований и частных инициатив, исходя именно из принципов свободы личности, хотя сами эти исследования могут включать в себя и элементы гражданской философии.

Отсюда следует, что в плюралистическом обществе базовые мировоззренческие презумпции необходимо имеют рамочный характер, достаточ-

ный как для сохранения мировоззренческой свободы участников общественного диалога, так и для достижения ими минимально необходимого уровня согласия, вне которого общественный диалог в принципе не может состояться. Баланс свободы мнений и концептуального мировоззренческого единства общества принципиально важен для продуктивного движения вперед. Необходимо осознать, что именно конститутивные для современного общества идеи свободы и достоинства личности являются основой для гражданской идентичности. Действительно, достоинство и свобода личности выступают *идеями — императивами*, задающими систему мировоззренческих координат российского общества. При этом, конечно, необходимо отдавать отчет в том, что вопрос интерпретации понятий достоинства и свободы личности является дискуссионным именно в силу его фундаментальной философской глубины. Поэтому по этим вопросам и идут наиболее жаркие споры как в философском и научном сообществе, так и в обществе в целом. Не является секретом, что как в научной, так и в философской среде существует мнение об отсутствии свободы у человека. В научной среде такого мнения придерживается значительная часть нейрофизиологов, а в философской среде последователи радикальных взглядов А. Шопенгауэра, которые до сих пор не получили ни своего подтверждения, ни опровержения.

По сути, в настоящее время ответ на вопрос о существовании свободы является философской презумпцией, на которую наше общество дало вполне определенный ответ, проголосовав за Конституцию. Разумеется, необходимо осознавать, что это конституционное положение не может остановить академические дискуссии о существовании свободы человека, однако именно это и определяет актуальность гражданской философии как инструмента

защиты мировоззренческого выбора общества.

К вопросам метафизической аксиоматики и философской презумпции относятся также вопросы о соотношении телесного и духовного в человеке, ибо значительное число философских и естественнонаучных систем связывают свободу именно с духовным началом в человеке, с его «Я» или трансцендентальным субъектом. Такой взгляд на человека и свободу требует отказа от грубого материализма и детерминизма, от примата чувственного и телесного начала. В этой связи необходимо помнить об основаниях и пределах рационалистического подхода к окружающему миру и человеку прежде всего.

Другими словами, сегодня и обществу, и государству для развития общегражданской идентичности следует исходить из понимания человека как личности, что предполагает рассмотрение человека как существа, нередуцируемого как к телесному началу, так и к социальным и социокультурным контекстам; обусловленного и свободного, способного к самотрансформации (трансцендированию), а потому — ответственного; конечного (смертного) и бесконечного, живущего надеждой на вечность; способного как к творчеству и развитию, так и к деградации; устремленного как к благу и достоинству, так и ко злу и утрате достоинства; способного к познанию истины, но — в силу конечности земной жизни и целого ряда объективных ограничений — к ограниченному познанию (что делает необходимой веру как существенное измерение личного и общественного бытия).

Актуализация этих философско-богословско-антропологических идей не является излишней в контексте непрекращающихся попыток редуцировать человека к его телесному и социальному измерению, изъять из общественного и политического рассмотрения его уникальную духовную природу и судь-

ектность («Я»). Вместе с тем, утверждение презумпции субъектности и духовного достоинства личности в качестве основоположения общегражданской философии не означает идеализацию и абсолютизацию человека. В современной политической философии есть понимание, что человеку и обществу присущи несовершенства, ошибки или прямо злонамеренная воля. Отсюда с необходимостью вытекает, в качестве существенного аспекта общегражданского дискурса, понимание высокой значимости ценностно-обоснованного *порядка* в обществе и институтов, поддерживающих и развивающих его: образования, культуры и религии. Здесь же необходимо обозначить ценность государства и права: как институтов, призванных актуализировать смыслы и ценности, делать их действенными, «работающими» в контексте повседневности.

Далее, важнейшей проблематикой, которая должна получить свое развитие в контексте общегражданской философии, выступает тема идентичности: национальной, религиозной, цивилизационной и т.д. В контексте презумпции духовного достоинства личности тема идентичности человека и гражданина приобретает новый личностно-экзистенциальный смысл, что предполагает решительное отвержение целого ряда интеллектуальных штампов (о примате экономики, неправильной истории, априорной несправедливости русской жизни и т.д.), довлеющих над нашим российским обществом, закрывающих его жизненный горизонт и историческую перспективу. Например, вырванное из сложного контекста социальной теории утверждение о том, что экономика является «базисом» общественного бытия, а культура и иные сферы общественной жизни — зависимой и производной «надстройкой», одновременно ограничивает и дискуссию о возможностях социально-экономического развития

страны, и общественное внимание к так называемому «человеческому фактору», который в определенные периоды истории является решающим. В пространстве общественного диалога должно постепенно утверждаться понимание служебно-инструментальной роли экономики по отношению к экзистенциальным смыслам бытия человека и общества. Важно формировать такой уровень общественного согласия, при котором достоинство человека и общества, суверенитет страны, устойчивость ее политической и правовой системы, не будут рассматриваться как зависимые от всегда изменчивой и неустойчивой экономической конъюнктуры.

Далее, принцип (презумпция) духовного достоинства личности позволяет по-новому ставить вопросы о справедливости и о социальном идеале. Справедливость в данном контексте может быть определена как состояние защищенности достоинства личности, а социальный идеал — как состояние общества, обеспечивающее защищенность достоинства личности. Такому критерию в полной мере отвечает идеал солидарного общества, проблематика построения которого составляет существенную часть обретаемой нами общегражданской философии.

Среди важнейших личностных прав и гражданских практик — право и прямая обязанность граждан России на вынесение оценки тем или иным историческим деятелям, событиям, периодам и тенденциям. Равнодушное и /или индифферентное принятие всего потока истории, без применения критериев добра и зла, есть форма ценностного релятивизма, на грани цинизма. Более того, без оценки истории и исторической эмпирики невозможно утверждение единства истории и единства общества. Единство истории не есть механическая сумма исторических событий, оно обеспечивается надисторическим единством ценностей

и идеалов народа. Поэтому необходимо развивать культуру любви к исторической динамике России, не теряя способности различать добро и зло, не теряя уважения к человеческому достоинству ушедших поколений.

Еще один важный акцент: историю можно и должно судить суверенно. Оценка исторического наследия должна быть суверенным делом политического сообщества. Нельзя позволять судить свою страну и свою историю внешним силам, навешивать на нее те или иные ярлыки. Также необходимо воздерживаться от другой крайности — превращать провалы своей истории в предмет национальной гордости. Всем внешним суждениям и оценкам следует противопоставить твердое и трезвое суждение: это наша история, и только Бог и мы сами судим ее, сами исправляем ее кривизну — не по чужим чертежам и лекалам, а в соответствии с нашими ценностями.

Сохранение и реализация интеллектуальной субъектности нашего политического сообщества предполагают отвержение принципа *«мировоззренческого нейтралитета»* государства. Государство можно попытаться отделить от любой *«метафизики»*, — точнее, задекларировать такое отделение, — но избавиться таким образом от метафизических и мировоззренческих проблем невозможно. Общество и государство постоянно пребывают в метафизическом поле: в гражданской позиции и поступке, в политическом решении, в создании и истолковании норм права. Философско-метафизические вопросы актуализируются в жизни российского общества на стыке социальных ожиданий и социальных возможностей, интенций и идеалов технологического развития и бытийных ограничений.

На наш взгляд, особое значение в свете геополитической ситуации (2014 — н.в.) российские политологи должны уделить следующим вопросам: а) противодействие «культуре

отмены»; б) диагностика и деконструкция политических «эффектов» новых мировоззренческих вызовов нач. XXI в. (постантропологизм, трансгуманизм, глобальный универсализм, нечеловеческий экологизм); в) выработка сценариев устойчивого развития России в условиях стратегической нестабильности. Поиск ответов на заданные выше теоретико-методологические вопросы вовлекает политическую философию и политологию в движение *рефлексивной парадигмы* социально-гуманитарных наук.

Среди трендов нашего времени решающее значение с точки зрения формирования параметров человеческого и общественного бытия имеет так называемая «НБИКС-революция», стремительно преобразующая сферы политики, культуры и экономики. Тотальность НБИКС-революции, эффективность ее «завоеваний» в отдельных областях человеческой и общественной жизни создают предпосылки для утверждения в качестве господствующих характеристик общественного сознания комплекса утопических представлений: о возможности тотальной исчислимости, количественной редукции феноменов частной и общественной жизни человека; о тотальной предсказуемости и фактической безальтернативности трендов социально-технологического развития; о возможности и целесообразности тотального технического контроля условий и параметров человеческого и общественного бытия. Принятие указанных представлений радикального технологического детерминизма в качестве руководящих принципов программирования развития общества означает радикальную дегуманизацию проектного мышления/деятельности, выражающуюся в окончательном отказе от поиска соответствия целей общественного развития структуре человеческой экзистенции, вынесении человека за контур принятия решений о целях общественного развития и его

методах. «На выходе» радикальный технологический детерминизм приводит к «образу будущего», которое можно описать следующим набором формул:

- человек и его свобода — это исторически-преходящие ценности, возникновение которых обусловлено социально-экономическим и технологическим развитием, следовательно, их можно *отменить*;
- новые форматы жизни человеческих сообществ могут потребовать существенного переосмысления классических представлений о достоинстве, свободе и правах человека, вплоть до отказа от них;
- развитие человеческого рода предполагает глубокую трансформацию исторически-сложившихся человеческих сообществ под воздействием технологических факторов, а также, возможно, их селекцию и ранжирование;
- дальнейшее социально-историческое развитие связано с радикальным усилением зависимости человека от техноструктуры, а успешность развития обеспечивается максимально полным включением человеческих существ в логику и алгоритмику техносоциальных систем, максимальным отказом от рисков, связанных с человеческой свободой и стремлением к автономии;
- будущее человечества и человеческих сообществ — это не открытый к изменениям результат взаимодействия, сотрудничества и борьбы автономных личностей и социальных сил, а предмет социальной инженерии, формирующей будущее по «заранее известным» планам.

Соответствующая принципам российской цивилизации, конституционализма и общегражданской философии гуманистическая перспектива развития человека и человеческих сообществ описывается иначе:

- дальнейшее развитие человечества — это свободное развитие

свободных человеческих существ и их исторически сложившихся сообществ;

- динамика социально-исторического развития должна сохранить в качестве своей цели реализацию прав и свобод человека как самобытного, автономного, саморегулируемого существа, наделенного совестью, разумом и волей;
- вопросы относительно конкретики будущего мироустройства остаются принципиально открытыми, поливариантными; мы не пытаемся описать будущее суммой жестких формул, исключая из числа рабочих сценариев и альтернатив развития лишь такие, которые несовместимы с признанием необходимости уважения достоинства и свободы человека, ценности каждой человеческой личности и жизни.

Более того, реализация вектора гуманистической перспективы общественного развития предполагает в качестве своего условия принятие к руководству следующих императивов:

- технологии являются продуктом разумной человеческой деятельности, проекцией свойств человеческой природы, и их ценность ни при каких обстоятельствах не может быть выше ценности человека или равной ценности человека;
- информация о человеке, обществе, мире никогда не является исчерпывающей при любых ее объемах, поэтому следует избегать рассматривать результаты ее обработки системами искусственного интеллекта, иными технологическими системами в качестве безальтернативных, не подлежащих критической оценке и пересмотру;
- функционирование новейших технологических и информационных платформ подлежит общественному этическому контролю; решения систем искусственного интеллекта, иных систем обработки информа-

- ции, не совместимые с принципами достоинства, свободы и прав человека, — ничтожны, а их практическая реализация должна преследоваться по закону;
- использование технологических систем во всех сферах жизнедеятельности человека, общества и государства должно соотноситься с ценностными и культурными стандартами, разделяемыми большинством граждан;
 - при использовании новейших технологий должны быть исключены риски нарушения фундаментальных прав и свобод человека и гражданина, политических, социальных и экономических прав;
 - внедрение новых технологических решений не должно создавать угроз и рисков для исторически сложившихся социальных общностей: семейно-родственных, национальных, культурных, территориальных;
 - использование технологий не должно создавать угрозу свободе предпринимательской, трудовой, иной законной хозяйственной деятельности;
 - использование технологий в сфере распространения массовой информации должно способствовать максимальной реализации прав граждан на информацию, культурных и образовательных прав;
 - передача любых властных полномочий технологическим системам, в том числе искусственному интеллекту, иным цифровым технологиям не допускается; наделение систем искусственного интеллекта, а также иных технических систем, правосубъектностью, правами и свободами недопустимо.
- Таким образом, соответствующая российской общегражданской философии гуманистическая перспектива общественного развития предполагает отказ от жесткого технологического детерминизма, реализацию комплекса производных императивов в сферах политики, культуры и экономики.

Литература

1. Наумкин В.В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Полис. Политические исследования. — 2020. — № 4. — С. 78–93.
2. Грякалов А.С. Топос и субъектность — С. 459.
3. Лосев А.Ф. Родина // Жизнь. <https://vetrovo.ru/inoi/losev-rodina/> (дата обращения: 25.09.2023)
4. Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, перспективы. Коллективная монография / Под общ. ред. В.А. Черешнева, В.Н. Расторгуева. — М.: Издатель Воробьев А.В., 2018. — 440 с.
5. Левицкий В. Конкуренция альтернативных проектов цивилизационного развития и роль институтов онтологической ответственности // Актуальные проблемы Европы. — 2020, № 1. — С. 32–45.
6. Сильнова Е.И. Социальный образ: начала концептуализации // Известия Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. — 2014. — Т. 14, вып. 3. — С. 43–49.
7. Сильнова Е.И. Социальный образ России в исторической динамике: Автореф. дисс. ... докт. философ. н. — Саратов: Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, 2013. — 44 с.
8. Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. — 488 с.
9. Яноу Д., Хульст ван М. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // Социологическое обозрение. — 2011. — Т. 10, № 1–2. — С. 87–113.